

Глава 6. Дивергенции и конвергенции Востока и Запада в социальной эволюции. Роль варварской периферии в развитии Востока и Запада

Вопрос о соотношении развития Запада и Востока является предметом дискуссий уже более двухсот лет, по данному поводу имеется огромное количество научной литературы. Поэтому, естественно, мы могли затронуть только некоторые аспекты этой проблемы (см. также: Гринин, Коротаев 2016).

Понятно, что существуют очень сложные причинно-следственные связи (в том числе в виде целого ряда сложных контуров положительных и отрицательных обратных связей, а также и случайностей), которые повлияли на реализацию выдвижения вперед Европы. Мы, в частности, не рассматриваем различия в религиозных догматах и особенностях организации религиозной жизни, цивилизационные и ментальные различия, как и многое другое¹. Поскольку можно считать, что ПротоВосток начинается, по сути, с аграрной революции (см. главу 5), то нас не мог не интересовать экономико-технологический аспект, в частности мы пытались показать соотношение развития технологии между рассматриваемыми регионами в разные периоды и объяснить причины (включая природные и демографические), благодаря которым Европе удалось обогнать Азию, несмотря на то, что продуктивность природной среды последней в зонах наибольшей концентрации населения существенно выше, чем в большинстве районов Европы.

Наш анализ соотношения развития Востока и Запада никак не претендует на полноту, но он освещает целый ряд очень важных с нашей точки зрения вопросов, часть из которых остается в тени.

1. О понятиях дивергенции и конвергенции

В связи со сказанным стоит остановиться на значении терминов *дивергенция* – *конвергенция*; *Великая дивергенция* – *Великая конвергенция*, которые мы используем в нашей монографии. Дивергенция и конвергенция – процессы, которые сопутствовали историческому движению на протяжении всего исторического процесса среди как родственных, так и неродственных обществ. Они прослеживаются на разных уровнях и в разных масштабах. Дивергенция и конвергенция – это соответственно расхождение или сближение путей эволюции. При этом уровень развития обществ, развивающихся по расходящимся или сходящимся траекториям, мог как различаться, так и в целом оставаться сравнимым. Дивергенция в одних аспектах может сочетаться с конвергенцией в других, тем более если общества находятся в плотном контакте (подобный тип описан нами ниже для XV–XVIII вв. и назван «догоняющей дивергенцией»). Также процесс конвергенции может сменяться дивергенцией и наоборот.

Дивергенция среди обществ, имеющих общее происхождение, особенно наглядна, например, если пути этих обществ расходятся или они формируются в разной социально-географической среде. Так, развитие саксов, вторгнувшихся в Британию, и саксов,

---

¹ Некоторые из указанных аспектов были рассмотрены нами в других работах (Коротаев 2003б; 2005; Гринин 1998; 2006а; 2006в; 2009б; Гринин, Коротаев 2009а; 2016; Korotayev, Bondarenko 2000; Korotayev 2003; 2004; Grinin, Korotayev 2015).

оставшихся в Европе на континенте, с V в. н. э. происходило существенно разными путями (см. подробнее: Гринин 2011a: 263; Grinin 2011a: 17–21). То же самое касается и любого разветвления от прежде единого общества или образа жизни (например, у индоевропейцев, когда-то – примерно в VI–V тыс. до н. э. – представлявших более или менее реальное единство языка и образа жизни). Религиозная дивергенция православного и римско-католического христианства наряду с целым рядом других факторов привела к очень существенным особенностям развития западноевропейских обществ и православной Восточной Европы. Дивергенция лежит, по сути, в основе идеи сторонников цивилизационного подхода о том, что на базе материнской цивилизации могут появляться новые. Дивергенция, однако, никогда не бывает полной (с учетом, что само определение полного или неполного расхождения, по сути, является схоластическим упражнением). Она всегда затрагивает только часть аспектов жизни общества². Но при этом она может быть более или менее глубокой и более или менее важной с точки зрения будущих судеб обществ.

Конвергенция, или сближение, – это также очень распространенный паттерн эволюции, связанный с тем, что общества заимствуют достижения и институты друг друга в разных областях жизни, происходит диффузия различных инноваций, общества объединяются, тем самым начиная нивелировать различия, и т. п.

Великая дивергенция и Великая конвергенция – это такие расхождения или сближения путей развития, которые соответственно показывают либо радикальный уровневый разрыв между обществами, либо достижение уровня лидеров прежде сильно отстающими обществами. При этом *нередко процессу Великой дивергенции предшествовал процесс Великой конвергенции*, когда отстающее общество быстро догоняет лидеров, а затем, имея еще огромные потенциалы, начинает обгонять их, причем двигаясь по новой траектории развития (см. об этом в *Главе 14*).

Таким образом, если дивергенция и конвергенция – это расхождения или сближения путей эволюции, но при этом уровень развития/сложности в целом мог оставаться сравнимым, то Великая дивергенция и Великая конвергенция – это такие расхождения или сближения путей развития, которые прежде всего показывают радикальный уровневый разрыв и, напротив, достижение уровня лидеров до того качественно отставшими обществами (прежде всего в технологическом и экономическом планах, поскольку они влияют также на уровень культуры, формирование человеческих качеств и многое другое).

Великих дивергенций и великих конвергенций в истории было немного, причем они связаны с технологическими прорывами – от изобретения земледелия до цифровой электроники.

Так, появление земледелия (начальная фаза аграрной революции) в итоге привело к появлению нового типа обществ на Ближнем Востоке, началу формирования Афроевразийской мир-системы, в целом – к дивергенции между обществами ранних земледельцев и охотников-собирателей. А завершающая фаза аграрной революции (во второй половине IV – начале III тыс. до н. э.), то есть переход к крупномасштабной ирригации, привела к появлению первых государств, цивилизаций и урбанизированных обществ, а в целом – к дивергенции между государственными/цивилизованными и варварскими обществами. Это была в некотором смысле и первая Великая дивергенция между Востоком и Западом, когда Восток стал решительно обгонять Запад во многих отношениях, и это продолжалось в течение III и II тыс. до н. э.³

² Так же, как и конвергенция. Когда в 1960-е гг. П. Сорокин (Sorokin 1960) и Дж. Гэлбрейт (Galbraith 1967) заговорили о конвергенции между социализмом и капитализмом, они, конечно, имели в виду наметившееся сходство только в некоторых аспектах (в частности, это усиление роли государства в социальном обеспечении граждан в жизни капиталистического общества, что стало напоминать социализм).

³ Хотя нельзя не заметить, что во II тыс. до н. э. расцвела крито-микенская цивилизация, правда, она еще не была западной в более позднем цивилизационном смысле этого слова, а занимала скорее промежуточное положение между Востоком и Западом.

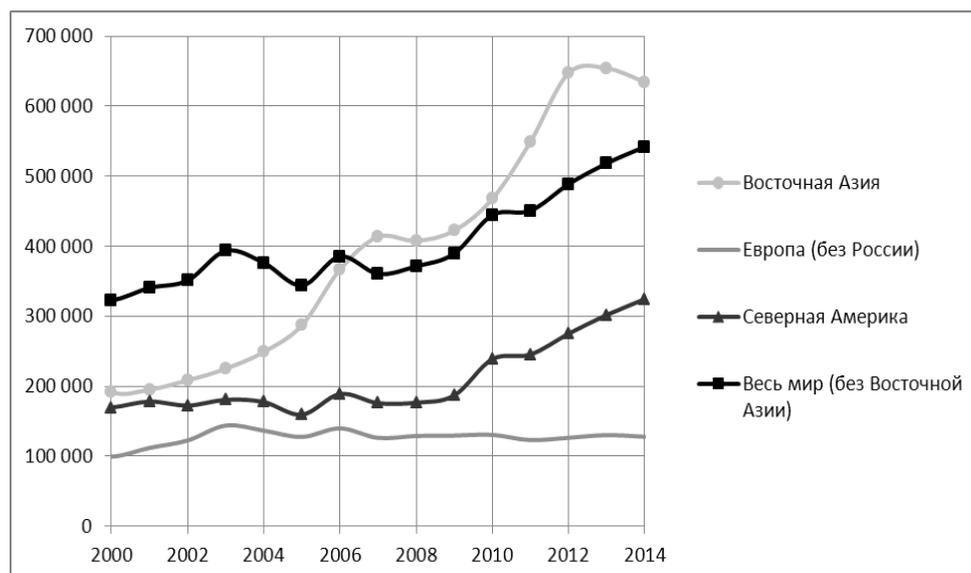
Великая дивергенция, о которой пойдет речь в главе 14, также стала результатом производственной – промышленной – революции (ее начальной фазы в XV–XVI вв., а затем и завершающей в XVIII – начале XIX в.). Как и прежние великие дивергенции, она означала радикальный разрыв в уровнях производства, объеме прибавочного продукта и богатства общества, радикальных демографических изменений и, как следствие, формировании новых типов политического устройства, радикальном росте уровня вооружения, военного искусства, культуры и многого другого.

Одна из немногих великих конвергенций можно увидеть во второй половине I тыс. до н. э. Она также связана с завершением аграрной революции в Европе в результате распространения железа и железных орудий в земледелии (см. подробнее: Гринин 2007e; Гринин, Коротаев 2009a; Коротаев, Гринин 2007; Korotayev, Grinin 2006; 2013; Grinin, Korotayev 2009a; 2009b; 2013a). В результате Европа по уровню развития урбанизации, государственного управления, военного дела, культуры и науки стала быстро догонять Азию, а в некоторых отношениях и обгонять ее (свидетельством чего стал знаменитый поход Александра Македонского, а также победы Рима). В итоге европейцы стали во многом более инициативными и творческими, чем прежние лидеры на Востоке.

Другая Великая конвергенция – подъем Европы, уровень развития которой значительно понизился в результате крушения Западной Римской империи и варваризации «темных веков» I тыс. н. э. (VI–X вв.). Подъем имел место в самых разных отношениях, но во многом основывался на активном заимствовании, адаптации и творческом развитии достижений Востока. Этот период охватывал XII–XV вв., хотя в некоторых отношениях корни его прослеживаются и в XI в., а заимствование в отношении вооружений, в результате чего и создалась знаменитая тяжелая рыцарская конница, наблюдалось и гораздо раньше (см., например: Кардини 1987). То же касается и некоторых технологических инноваций.

Таким образом, Великая конвергенция Средневековья – это сначала более простое заимствование технологий и институтов, затем их творческая адаптация к собственным условиям, активный период обучения у более сложных обществ, а далее уже на базе конвергенции начинается собственный период инноваций, часть из которых затем становится, в свою очередь, образцом для подражания и материалом для заимствования. Именно так происходит в современной Великой конвергенции, описанной в следующей главе, когда страны Юга начинают догонять страны Севера, и вместе с копированием и привлечением западных технологий догоняющие страны Азии формируют и нового человека, все более активно позиционируют себя в плане технологических и иных инноваций. Часть из последних потом становится образцом для подражания и материалом для заимствования.

Говоря о современной Великой конвергенции (анализ взглядов на конвергенцию экономистов см. аппендикс к этой главе), когда страны Юга начинают догонять страны Севера, стоит отметить, что вместе с копированием и привлечением западных технологий догоняющие страны Азии формируют и нового человека, все более активно позиционируют себя в плане технологических и иных инноваций, свидетельством чего является стремительный рост числа патентуемых изобретений в Восточной Азии (см. Рис. 1).

Рис. 6.1. Динамика числа выдаваемых патентов на 2000–2014 гг.

Источник данных: WIPO 2016.

Используя образ парадигмы «летающих гусей» А. Акамацу (Akamatsu 1961; 1962), мы видим, что Великая конвергенция – это сначала более простое заимствование технологий и институтов, затем их творческая адаптация к собственным условиям, активный период обучения у более развитых обществ (вспомним, что Солон и другие греческие мудрецы учились на Востоке), а далее уже на базе конвергенции начинается собственный период инноваций, часть которых потом становится, в свою очередь, образцом для подражания и материалом для заимствования.

Таким образом, дивергенции и конвергенции между Востоком и Западом, имеющие место на протяжении тысячелетий, одновременно показывают и несомненное сходство между западными и восточными обществами, сходство, которое позволяло и позволяет и тем и другим перенимать многие достижения друг друга, интегрировать и адаптировать их, сходство, которое не предопределяет навечно инновационность или отсталость тех или иных цивилизаций и регионов. И в этом плане можно согласиться с Л. Б. Алаевым, который выступает против абсолютизации дихотомии Восток – Запад (Алаев 2004; 2007б; 2018)⁴. С другой стороны, это показывает, что нет (и, видимо, не может быть) чистого копирования обществ опережающего развития теми, кто догоняет (хотя сегодня западные страны не просто хотят, но и активно навязывают это прямое копирование). Удачная конвергенция может состояться только при очень творческой адаптации и трансформации заимствованных институтов и общественных отношений.

2. Взаимодействие цивилизованной части Мир-Системы и варварской периферии как способ расширения Мир-Системы и объединения ее частей

Взаимодействие между цивилизациями и варварской периферией возникло в результате первой Великой дивергенции, начиная с V–IV тыс. до н.э. между Востоком и Западом, когда Восток стал решительно обгонять Запад во многих отношениях (хотя истоки этого можно увидеть во взаимоотношениях протогородских поселений Ближнего Востока в

⁴ К такой абсолютизации склоняется, например, Л. С. Васильев (см.: Васильев 1982; 1988; 1993).

VII–V тыс. до н.э. и варварского их окружения). И с этого времени взаимодействие между государственно-цивилизированной частью Афроевразийской мир-системы и ее варварской периферией становятся важнейшей движущей силой расширения цивилизованной части, расширения все мир-системы и установления более тесных контактов между различными частями Афроевразии. Следующий раздел этой главы будет посвящен этой проблеме.

Таким образом, вопросы сосуществования, взаимодействия и борьбы между цивилизацией и варварской периферией являются исключительно важными для понимания социальной эволюции в целом, т.к. в результате такого взаимодействия происходят процессы культурного обмена, диффузии инноваций и идей, подъема уровня развития отстающих обществ и мн. др. Эти аспекты также очень важны для анализа эволюции Мир-Системы на протяжении последних пяти тысяч лет, с момента появления первых государств и цивилизаций. И это относится даже к Новому времени. В некоторых регионах, таких, например, как Ближний Восток и Северная Африка, негосударственные племенные и «вождеские» формы политической организации продолжали сосуществовать, конкурировать или сотрудничать в военном плане с государствами вплоть до начала XX века. В частности, даже на территории Египта – одной из древнейших цивилизаций – еще во второй половине XVIII века нападения бедуинов были большим бедствием для населения (свидетельства чего оставил знаменитый египетский историк-летописец конца XVIII – начала XIX вв. ‘Абд ар-Рахмāн ал-Джабарти [1978]). А на территории другой древнейшей цивилизации – китайской – еще в середине XX века существовала самая реальная внутренняя варварская периферия, совершавшая на центр достаточно регулярные набеги⁵. Можно вспомнить и в чем-то аналогичную ситуацию на Кавказе еще в XIX и даже в XX веках⁶.

Таким образом, за счет разнообразного взаимодействия цивилизации и варварской периферии а) Мир-Система в тенденции расширялась и усложнялась⁷; б) социально-политический, хозяйственный и культурный уровень варварской периферии в тенденции возрастал; в) однако уровень цивилизации, включая степень урбанизации, мог временно понижаться как за счет общего увеличения объема Мир-Системы, так и за счет временной «варваризации» обширных территорий, как это неоднократно наблюдалось в I тыс. н.э. (особенно в Европе)⁸. Здесь можно использовать идею А. Л. Оппенгейма (1990: 88) о

⁵ В качестве примера можно привести народ *и* (*носун*) в высокогорном районе Ляньшань китайской провинции Сычуань. В этом обществе существовало четыре «сословия», из которых одно (собственно *и* [*носун*] – «черные») в противоположность подчиненным «белым» – было высшим, благородным, а потому не участвовало в производительном труде. Остальные три сословия находились в разной степени зависимости – от полукрепостной до рабской. Сколько-нибудь развитой политической структуры при этом не образовалось (Итс, Яковлев 1967; Куббель 1988: 241–242). Такая ситуация начала складываться еще с VII–IX вв. н. э. в связи с тем, что скотоводческие племена подчинили себе земледельцев (Итс, Яковлев 1967: 79). В этом обществе было весьма распространено рабство. При этом носу часто делали набеги и захватывали ханьцев, обращая их в рабов. Так, в 1919 году ляншанцы захватили и увезли в горы более 10 тыс. жителей из соседних уездов. Общее население ляншанских *и* в начале XIX в. было небольшим – около 10 тыс. человек. Но в 1838 г. оно составляло уже 40–50 тыс., а в 1910 – 200–300 тыс. Оно продолжало увеличиваться, достигнув в середине 1950-х годов 630 тыс. человек, из которых 50–60 тыс. составляли неассимилированные рабы-ханьцы (Итс, Яковлев 1967: 79–80).

⁶ Например, генерал А.И. Деникин в своих *Очерках русской смуты* (Деникин 1993: 122) говорит об ингушах как наиболее организованном из кавказских народов, которые, воспользовавшись ситуацией анархии в Гражданскую войну, систематически грабили и терроризировали всех соседей. Собственно, и самые недавние события на Кавказе в России еще напоминают «живые пережитки» таких взаимоотношений между цивилизацией и варварской периферией.

⁷ В том числе, и за счет объединения завоевателями-варварами ряда цивилизованных обществ. Наиболее значимым из таких объединений явилось, думается, монгольское, что позволило укрепить на определенное время связи Мир-Системы от Тихого океана до Атлантики (см., например: Abu-Lughod 1989, 1990).

⁸ Можно даже предположить, что темп расширения Мир-Системы мог быть иногда обратно пропорционален темпу качественного роста ее отдельных частей и отдельных процессов (таких как урбанизация).

постоянном противоборстве в древней Месопотамии и в целом в Древнем мире анти- и проурбанистических тенденций – важнейшую силу первой и составляла варварская периферия.

Как известно, существуют большие расхождения в определении того, что понимается под цивилизацией (об этом см., например: Гринин, Коротаев 2009: Введение). В рамках данной главы под цивилизацией или цивилизационным ядром (центром) Мир-Системы мы подразумеваем общества мир-системного ядра, обладающие городскими поселениями. А как «варварские» мы обозначаем здесь периферийные сообщества, не имеющие городских поселений.

Как указывает В. П. Буданова (2002: 168), в современной варварологии есть некоторые направления, которые посвящены исследованию общих отношений между варварским миром и цивилизацией (см., например: Буданова 1990; 1994; 2000, 2002; Массон 1989; Барфилд 2006; Крадин 1992, 2001а, 2001б; Крадин, Бондаренко 2002; Першиц, Хазанов 1978; Хазанов 1975, 2002, 2006, 2008; Санников 2002, 2003, 2005; Barfield 1991; Kradin, Bondarenko, Barfield 2003). Тем не менее, это очень объемная тема, и множество аспектов в ней исследованы недостаточно полно и глубоко. Среди выводов, сделанных варварологами, нам представляются особенно важными в рамках нашей темы следующие: 1) центр и варварская периферия рассматриваются как тесно связанные между собой звенья единой паноякумической системы (= Мир-Системы), в которой взаимодействуют народы, находящиеся на разных уровнях социокультурной сложности (см., например: Першиц, Хазанов 1978: 4; Буданова 2002: 168); 2) в самой варварской периферии в отношении ее к цивилизации может формироваться некий центр⁹, являющийся «ядром» варварского мира, который во многом определяет взаимоотношения как между цивилизацией и варварами, так и с той частью варваров, которая населяла более отдаленные от цивилизации территории (создание таких центров, нередко в результате именно давления цивилизационного ядра, вело к росту уровня коллективной солидарности варваров; 3) уровень сложности объединений варваров (особенно кочевников) тесно соотносится с размерами и уровнем политической культуры государств, с которыми они постоянно контактировали (см., например: Барфилд 2006); 4) во взаимоотношениях варварского мира с цивилизацией очень большую роль играли внешнеполитические и экономические (торговые) интересы, однако все же военные контакты в целом были преобладающими (Буданова 2000, 2002; Крадин 1992, 2001а; Barfield 1991; Барфилд 2006).

Возможная роль взаимодействия между цивилизационным ядром и варварской периферией была уже нами предварительно исследована ранее (Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 189–208) при рассмотрении причин сущностного падения (вплоть до отрицательных величин) темпов роста основных показателей развития Мир-Системы в I тыс. н.э. после завершения фазового перехода А2 к сверхсложным аграрным обществам. Напомним, что указанный анализ позволил нам идентифицировать данный фактор в качестве одной из реально очень важных причин (но, подчеркнем, отнюдь не единственной причины) рассматриваемого феномена; при этом нами были получены следующие предварительные выводы:

«То обстоятельство, что смена режима гиперболического роста происходит после того, как политическая централизация Мир-Системы гиперболическими темпами достигает критически высокого уровня (а в начале I тыс. н.э. абсолютное большинство обитателей Мир-Системы оказалось под контролем всего четырех политий – римской, парфянской, кушанской и ханьской), не представляется случайным и по некоторым другим причинам. Произошедший в I тыс. до н.э. стремительный рост политической централизации подталкивался наряду с прочим распространением металлургии железа (см. об этом подробнее: Гринин, Коротаев 2008: Глава 6), не только радикально повысившим потолок несущей

⁹ При этом имела место постоянная смена таких лидеров варварских политий (Буданова 2002).

способности Земли, но и приведшим к налаживанию производства относительно дешевого эффективного вооружения, что сделало возможным формирование многочисленных армий, без создания которых появление мировых империй вряд ли было бы возможным. Однако сам этот процесс имел важные побочные следствия. Политически централизованные системы часто достигают военного превосходства путем развития специализированных военных подсистем – относительно малых, но хорошо обученных и вооруженных профессиональных армий. Однако необходимым условием для сохранения такого превосходства обычно является наличие монополии на какие-либо эффективные виды вооружения (боевые колесницы, оружие из бронзы и т. п.). Если же происходит революция в производстве средств насилия, в результате которой монополия на них не может более эффективно поддерживаться (например в случае появления железного оружия), менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения получают значительное преимущество и могут стать сильнее в военном отношении политически централизованных обществ. Именно таким был ход исторического развития во многих частях Ойкумены Старого Света в поздней древности. В дополнение к этому, менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения могли значительно увеличивать свою военную эффективность без заметного увеличения своей политической централизации или внутренней дифференциации, например, путем номадизации, роста специализации на скотоводстве, поскольку сам каждодневный труд скотовода и характер его социализации производят высоко боеспособного воина. Кочевое скотоводство с широким использованием пастухов-всадников могло значительно увеличивать военный потенциал таких обществ и без дополнительной политической централизации и функциональной дифференциации. Что для нас важно в этом контексте – это то, что технологические сдвиги I тыс. до н. э. имели в качестве своего побочного следствия усиление военного потенциала варварской периферии в целом, и в особенности социально-политических систем кочевников... В результате на протяжении большей части эпохи «Младшей гиперболь» кочевники имели систематическое военное превосходство над оседлыми сообществами (дополнительно усиленное с изобретением и диффузией стремян и сабли), что привело к дополнительному замедлению темпов демографического роста Мир-Системы не только в результате массовых депопуляций, к которым периодически приводили вторжения кочевников, но и в результате некоторого понижения несущей способности земли во многих важных зонах Мир-Системы в результате давления варварских (и в особенности кочевых) периферий (здесь достаточно вспомнить о российской «житнице» – Черноземье, известном большую часть II тыс. как Дикое поле именно из-за того, что все это время земли в этом регионе почти не возделывались именно из-за угрозы набегов)» (Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 207–208).

Отметим, что систематическое военное превосходство не означает, что это превосходство является постоянным. Китай, например, неоднократно побеждал хунну и разорял их, совершая глубокие походы в их земли (см., например: Гумилев 1993; Крадин 2001a), также как русские князья – в земли половцев (см., например: Рыбаков 1966a: 561–562). Поэтому в реальности мы имеем дело с неустойчивым равновесием сил между варварской периферией и цивилизационным центром. Но это равновесие могло измениться в одну или другую стороны при изменении обстоятельств. И при совпадении условий могла начаться волна натиска варварской периферии на цивилизацию, либо наоборот – наступления цивилизации на варварскую периферию. Таким образом, **можно говорить об определенных циклах, в рамках которых фазы экспансии цивилизационного центра/отступления варварской периферии сменяются фазами экспансии варварской периферии / отступления цивилизационного центра.**

Стоит заметить, что в зависимости от силы и размера одной из двух компонент исследуемой нами системы цивилизация – варварская периферия, существенно изменяется и другая, поскольку она должна давать адекватный ответ на усилившийся (или другим образом изменившийся) вызов или может, не чувствуя угрозы или сопротивления, прилагать меньшие усилия. Во всяком случае, было замечено, что размеры, мощь и уровень

сложности в реализации внешнеполитических функций у объединений (империй) кочевников тесно соотносятся с размерами, мощностью и уровнем политической культуры и деятельности государств, с которыми кочевники постоянно контактировали (см., например: Барфилд 2006: 429). Это также может дополнительно объяснять ситуацию, когда первоначально цивилизация достаточно активно распространяется на варварскую периферию, а последняя еще не способна оказать сильного сопротивления первой. Это может происходить потому, что варварская периферия еще не подстроилась под силу и размеры наступающей цивилизации. По мере поглощения наименее способной к сопротивлению части варварской периферии, особенно той, что находится в зонах с подходящими для хозяйственной экспансии цивилизации природными условиями (и с народами, которые так или иначе готовы к тому, чтобы стать частью цивилизации), цивилизация может сталкиваться с более упорными представителями периферии, особенно живущими в маргинальных условиях. В результате на определенные (иногда достаточно продолжительные) промежутки времени может устанавливаться опоминавшееся нами выше динамическое равновесие.

Поскольку налицо достаточно длительное сосуществование цивилизации и варварской периферии, при этом каждая из частей этой динамической системы стремится при удобном случае ослабить или даже уничтожить другую, возникает ситуация «взаимодиффузии», которая заключается как в заимствовании различных инноваций (в основном варварами от цивилизации, но частично и наоборот), а также в использовании цивилизацией варваров для своих нужд. В результате происходит ускоренное повышение уровня развития варварской периферии, которая для того, чтобы иметь преимущества и противостоять цивилизации обретает аналоговые последней политические и социальные формы. Развитие этих форм было обычно направлено прежде всего на достижение военного паритета или военного превосходства, а также на достижение паритета престижа. Это касается и идеологии, которая может приобретать у варваров достаточно развитые черты. Последнее важно для понимания используемого здесь понятия *асабиййи*, впервые предложенного в качестве научной категории выдающимся средневековым арабским мыслителем Абд ар-Рахманом Ибн Халдуном Халдуном¹⁰ (1332–1406) (Ibn Khaldūn 1958, 2004) и введенной в категориальный аппарат современной клиодинамики П. В. Турчиным (2007), вполне обоснованно, на наш взгляд, интерпретирующего это понятие как «коллективную солидарность».

Именно особая идеология племенной солидарности, например, при объединении групп племен, позволяет сплачивать варварский народ в мощную военную силу. Поэтому тезис М. Фрида (Fried 1967) о том, что племена представляют собой вторичные непервобытные образования, возникающие в результате воздействия соседних сообществ со значимо более высоким уровнем социокультурной сложности, не лишен некоторых оснований (см. об этом также, Коротяев 1997, 2000а, 2000б, 2006б; Гринин 2007а). Действительно, многие аналоговые формы политий «главной последовательности» являются часто вторичными явлениями, связанными с воздействием цивилизационного центра, либо их развитие существенно модифицируется под влиянием более развитых соседей (см. Гринин 2007а)¹¹. Например, подобная модификация, возможно, имела место в развитии Скифии, поскольку скифы активно контактировали с мидийцами и персами, а позже с греками (см., например: Дьяконов 1956; Хазанов 1975, 2006, 2008). При этом подобные формы нередко возникают именно как формы, наиболее адаптированные к маргинальным природным условиям, а цивилизации появляются, как правило, в природной среде, более благоприятной для развития интенсивного производства. Естественно, что аналоги

¹⁰ См., например: Ibn Khaldun 1958, 2004; Бациева 1965; Игнатенко 1980; Алексеев, Халтурина 2004; Турчин 2007; Inan 1933; Mahdi 1937.

¹¹ Анализ понятия племени нами уже давался в главе 4.

варварской периферии с учетом их природных, хозяйственных и демографических особенностей вполне могли обходиться без городов. Лишь у немногих варваров была развитая система городов, как это было в Галлии, где в целом насчитывалось до тысячи «подлинных городов», население некоторых из них достигало десятков тысяч человек (Шкунаев 1989: 134, 143). Размеры некоторых городов достигали 100 и более гектаров, и они были укреплены мощными стенами (см.: Филип 1961: 116–129; Монгайт 1974: 248–253).

Стоит также заметить, что в отношении каждого конкретного движения варваров на зону цивилизации, равно как и для отдельных периодов такого массового движения, мы можем и не знать точных причин, толкавших их к таким миграциям. Например, В. П. Буданова (2000: 5–6) пишет, что до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, какие импульсы вызвали к жизни миграции, охватившие пространства от Скандзы до Мавритании, от Китая до Пиренеев в эпоху Великого передвижения народов в III–VII вв. н.э. Однако в целом возможные общие причины напора варварской периферии на цивилизационный центр более или менее ясны: демографическое давление, связанная с этим и иными (прежде всего природными) факторами нехватка ресурсов (земли, пастбищ); стремление к военной добыче; давление врагов (то есть конфликты внутри варварской периферии) и тому подобные вполне реальные факторы.

Отметим, что в исторической реальности менее многочисленные и технологически отсталые варвары могут теснить своих более многочисленных и технологически продвинутых «цивилизованных» противников. Это обуславливается действием следующих факторов:

1) Свойственный варварам более высокий коэффициент военного участия. Это вполне подтверждается письменными, этнографическими и даже археологическими источниками. Например, в отдельных районах, которые заселяли германские племена до эпохи Великого переселения народов, до 80% мужчин были похоронены с железным оружием (см. Гуревич 1999: 44). Стоит также упомянуть наличие военных упражнений у мальчиков, начиная с раннего возраста, у многих варварских, особенно кочевых народов, таких как, например, гунны, монголы или турки в период, когда они были кочевниками (см., например: Нефедов 2008¹²).

Важнейшая роль этого фактора для объяснения случаев успешного натиска варварской периферии на цивилизационный центр была описана еще в XVI в. эфиопским монахом Бахреем в своей знаменитой *Истории галла*. Бахрей попытался объяснить, почему высоко политически централизованное эфиопское государство постоянно терпело военные поражения от менее цивилизованных и менее политически централизованных племен галлов («*Каким образом нас побеждают галла, хотя мы многочисленны и у нас много оружия?*»), Бахрей 1976 [1593]: 140). Ответ, предлагаемый Бахреем, весьма интересен и убедителен: именно потому, что эфиопское общество более развито и дифференцировано (то есть фактически более «цивилизованно»), оно и терпит постоянные поражения в борьбе с менее развитыми «варварами» галлами. Сам фактор большей внутренней социальной и культурной дифференциации («цивилизованности») оказывается в данном случае источником военной слабости:

«Каким образом нас побеждают галлы, хотя мы многочисленны и у нас много оружия?... Это из-за разделения нашего народа на десять разрядов, из них девять не принимают участия в войне и не стыдятся своего страха. А воюет (только) десятый разряд и сражается так, как возможно. И если нас много, то мало тех, которые способны воевать, а много

¹² «Выучка турецких лучников, по-видимому, не уступала искусству монгольских стрелков – и также, как у монголов, постоянная тренировка способствовала развитию мышц рук. “С восьми, или даже с семи лет они начинают стрелять по мишеням, – писал имперский посол Эселин де Бусбек, – и практикуются в стрельбе из лука десять или двенадцать лет. Это постоянное упражнение усиливает мускулы их рук и дает им такой навык, что они могут поражать своими стрелами самые маленькие цели”» (Нефедов 2008).

тех, которые не участвуют в войне. Один разряд из них – это монахи, которым нет числа. Есть монахи с детства, которых склонили на свою сторону монахи во время учения, подобно автору этой истории и ему подобным. А есть монахи от страха перед войной. Другой разряд называют *дабтара*. Они изучают книги и все дела священников. Они хлопают руками и двигают ногами (во время богослужения) и не стыдятся своего страха. Они бегут за образец левитов и священников, детей Аарона. Третий разряд называется *жан хацана* и *жан маасаре*. Они охраняют право и (этим) оберегаются от участия в войне. Четвертый разряд – *дагафоч* – сопроводители знатных женщин и *вазаро*. (Это) сильные мужи и крепкие молодые люди. Они не участвуют в войне и говорят: “Мы охрана женщин”. Пятый разряд называется *шемагле* – господа и землевладельцы. Они делят свои земли между тружениками и командуют ими, а сами не стыдятся своего страха. Шестой разряд – землепашцы. Они проводят время на полях и не думают воевать. Седьмой разряд – это те, которые получают выгоду от торговли и извлекают пользу для самих себя. Восьмой разряд – это ремесленники, такие как кузнецы, писцы, портные, плотники и им подобные. Они не умеют воевать. Девятый разряд – это певцы, барабанщики (играющие на маленьких барабанах [*qanda kabaro*]), барабанщики и арфисты, для которых работа – попрошайничество¹³. Они благословляют того, кто им подает, воздают пустую славу и бесполезные восхваления. И когда они проклинают тех, кто не платит, их не считают виноватыми, ибо они говорят: “Это наш обычай”. Десятый разряд – это те, кто берет копье и щит и может воевать. Они следуют за негусом поспешно, чтобы напасть (на врага). Из-за их малочисленности наша страна опустошается. У галлов нет этих девяти разрядов, которые мы упоминали. Все они способны воевать, от мала до велика. И поэтому они уничтожают и убивают нас» (Бахрей 1976 [1593]: 140–141)¹⁴.

¹³ Перевод Бекингхэма – Хантингфорда: «*The ninth group is that of the wandering singers, those who play the qanda kabaro [a small drum] and the bagana, whose profession is to beg, to collect money*» (Bahrey 1954 [1593]: 126).

¹⁴ Однако, кстати заметить, что и в тех политических организациях цивилизаций, где уровень военного участия жителей был высоким (например в некоторых гражданских общинах, в частности в полисах Эллады, римской *civitas*, некоторых средневековых городах), военные силы небольших политий оказывались нередко сравнимы с военными силами крупных. Наиболее известный пример – греко-персидские войны. Отметим также, что необходимо учитывать следующие факторы военного превосходства варваров: **А)** Высокая, иногда на порядок большая мобильность некоторых варварских народов по сравнению с оседлыми земледельцами, которая нередко определяется собственно образом жизни, связанным с большей подверженностью влиянию изменений природной среды и колебаниями климата, а также низким удельным выходом полезной биомассы с единицы хозяйственно эксплуатируемой территории (что обуславливает необходимость перемещения для увеличения зоны хозяйственной эксплуатации). Особенно это касается кочевников и морских народов, а также обитателей тех мест, где реки являлись важнейшей транспортной артерией. Ведь с самого начала водный транспорт был главным средством связи на дальних расстояниях (McNeill 1995). Поэтому нами высказывалась идея, что для учета возможностей и интенсивности политических процессов фактически число жителей у скотоводов, мореходов и речных жителей надо увеличивать на коэффициент их мобильности и обеспеченности средствами транспортировки, хотя бы в виде верховых или упряжных животных (Коротаяев 1991; Гринин 2007а). Такая активность и мобильность часто определяет и возможности быстрого продвижения на огромных территориях, где расположены цивилизации; **Б)** Более высокий престиж (в среднем в отношении всего населения) именно военного занятия. Иными словами, в ряде цивилизаций военные слои не обладали таким престижем, как жрецы или чиновники, а нередко последние даже специально принижали роль военных. Например, основатели Сунской династии в Китае (960–1279) существенно принизили и изменили положение военной элиты с целью заблокировать возможность «военных переворотов», подрывавших стабильность политической системы их предшественников (Wright 2001). Но даже там, где военное сословие было в почете (как, например, в средневековой Европе или Японии), монополизация военного дела в его руках приводила к тому, что большинство населения специализировалось на мирных занятиях, в результате чего его военный потенциал оказывался близким к нулю. Так, например, в империи Карла Великого в VIII–IX вв., особенно во Франции, именно тяготы военной службы активно побуждали крестьян добровольно переходить под покровительство крупных светских и духовных землевладельцев, тем самым даже жертвуя своей гражданской полноценностью (см., например: Гуревич 1970: 145–183). А в России были нередки случаи добровольной записи дворянских детей в холопы, чтобы избежать их от несения военной службы. В то же самое время у варваров (особенно в аналоговых государствах образованиях) участие в военных делах было очень почетно, и весьма часто для таких акций обходились только добровольцами (см., например, об ирокезах: Фентон 1978: 127).

2) Заимствование военных технологий варварами происходило более быстрыми темпами, чем заимствование технологий невоенного назначения. Например, благодаря тому, что монголы заимствовали в Китае осадную технику и технологию, они смогли успешно захватить множество городов. Таким образом, в данном случае заимствование военных инноваций явилось одной из важных причин массового разрушения городов Мир-Системы в XIII в. Но сказанное о заимствованиях касается не только собственно оружия, но и стратегии, тактики, структуры войска. Весьма нередко варвары просто копировали устройство армий (или отдельных военных институтов) у соседних с ними цивилизаций. Например, германский вождь Маробод (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.), объединив маркоманов с лугиями, мугилонами, готами и другими германскими народами, создал крупную армию по римскому образцу, насчитывающую 70 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы (СИЭ 1966: 123)¹⁵.

3) Начало силовой экспансии цивилизационного ядра на варварскую периферию может быть интерпретировано как формирование метаэтнической границы между цивилизацией и варварским миром. Как было убедительно показано П. В. Турчиным (Turchin 2005; Турчин 2007), продвижение такой метаэтнической границы в тенденции вело к значимому увеличению коллективной солидарности у той стороны, которая оказывалась

¹⁵ Кстати сказать, такие заимствования нередко становились важнейшим импульсом для превращения негосударственного общества в раннегосударственное. Так случилось при заимствовании железного оружия, а позже – огнестрельного (примеры последнего, в частности, на Мадагаскаре в XVII в. [Дешан 1984: 353; Ратцель 1902, т. 1: 445], на Таити и Гавайях в XVIII в. [Service 1975; Ёрл 2002: 86; см. подробнее о подобных случаях: Гринин 2007a]). Отметим здесь еще несколько моментов, которые важно иметь в виду при анализе взаимодействия между цивилизационным центром и варварской периферией. **А)** Сами варвары могли быть изобретателями важных военных инноваций. Это вполне объяснимо, поскольку многие народы считали войну наиболее важным делом и становились профессионалами военных набегов и грабежей. Иногда такие изобретения помогали одним варварским вождествам победить другие. Классическим является пример, когда вождь зулусов Чака применил новый вид холодного оружия (*илква*), что во многом способствовало успехам его армии и образованию империи (Риттер 1968; Ратцель 1902, 2: 116). В результате из догосударственной эпохи зулусы вошли в государственную. Но бывали случаи, когда такие изобретения способствовали экспансии варваров на цивилизацию. Восточные германцы, вероятно, изобрели в V в. н.э. своего рода огромный тесак с прямым заточенным с одной стороны клинком (*скрамасакс*), который достигал длины до 80 см. Это было типичным сабельным оружием, способным наносить страшные раны, которое усиливало мощь конного воина. Поэтому его заимствовали гунны, а затем готы и франки (Кардини 1987: 263–264). Ярким примером таких инноваций варваров можно считать корабли и военно-морскую тактику викингов, которые «не знали себе равных на море» и морское преимущество которых было зачастую полным (Гуревич 2005: 41 и далее). Можно говорить, например, и о военно-тактических и военно-организационных инновациях, использовавшихся в армии Чингисхана, несомненно, сыгравших огромную роль в победах монголов. Таким образом, если по уровню культуры варвары и цивилизация оказываются несравнимыми, то по уровню военно-стратегическому – вполне сравнимыми, а нередко варвары имели и превосходство, но сохраняли при этом такие формы организации общества, которые, по мнению известного кочевниковеда Уильяма Айонса, были реальными альтернативами государственной организации (Айонс 2002; Igons 2004) и обходились без городов (или почти без городов). **Б)** При ослаблении единства (~ асабийи) цивилизаций и государств, враждующие части цивилизации начинают использовать варваров в качестве союзников, что дает возможность им активно вмешиваться в дела цивилизации. Можно вспомнить, как автор «Слова о полку Игореве» писал о том, что князья стали сами на себя «крамолу ковать» и «водить поганых» на Русь. Массу примеров «интеграции» варваров в политику цивилизации дает позднеримская и византийская история. Классическим примером является трагедия послеримской Британии. Так, после ухода в 410 г. н. э. из Британии римских войск бритты (романизированные британские кельты) в поисках защитников от набегов ирландских и шотландских варваров пригласили к себе саксов и дали им землю (осуществив тем самым определенную социальную инновацию, впрочем, уже неоднократно апробированную в римском мире с его практикой «воевать против варваров руками варваров»). Но саксы, увидев слабость британцев, вскоре перестали повиноваться местным властям и в конце концов вместе с англами и ютами стали хозяевами в стране. А бритты, несмотря на долгое и упорное сопротивление, были частично изгнаны, частично – порабощены, а частично – уничтожены. Поэтому в Британии вместо «бриттского» государства появились варварские англосаксонские королевства (Blair 1966: 149–168; Chadwick 1987: 71). Таким образом, военные возможности варваров существенно возрастают по мере их вовлеченности в военно-политические дела цивилизации.

под давлением¹⁶. В результате если в начале силовой экспансии цивилизация сталкивалась с разрозненными группами варваров, неспособными оказать эффективное сопротивление, то в дальнейшем эти группы начинали все более кооперироваться между собой для оказания отпора, и цивилизации приходилось иметь дело со все более сплоченными и крупными объединениями варваров (которые образовывались во многом в качестве реакции на силовую экспансию и были способны оказывать все более эффективное сопротивление, а в дальнейшем и переходить в контрастступление).

При типологии цивилизационных центров можно выделить ирригационные и неирригационные цивилизации. Это имеет существенное значение из-за важных различий в процессе их урбанизации. В частности три функции городов в районах речных цивилизаций были, по всей видимости, развиты выше, чем в других местах: хозяйственная, перераспределительная и сакральная. И это делало города фактически частью аграрной технологии в рамках цивилизации, тогда как в других местах города могли и не выступать в качестве такого интегрального элемента. Более того, в ирригационных цивилизациях роль городов была выше и как фактор централизации, а неирригационные сельскохозяйственные цивилизации имели больше возможностей оставаться децентрализованными без больших потерь для эффективности функционирования своей экономики. Как следствие, элита ирригационных цивилизаций была в большей степени городской, а элита неполивных цивилизаций могла быть в большей степени сельской (например, на средневековом исламском Ближнем Востоке элита была в основном городской, а в средневековой Европе – в очень высокой степени сельской). Таким образом, характер как цивилизаций, так и варварской периферии на разных этапах мог влиять на уровень урбанизации (об урбанизации и городской революции см. в главе 11).

Различение типов цивилизаций и варварских периферий способно также существенно уточнить типичные причины и варианты военного соперничества между цивилизациями и варварами. В частности, можно предварительно наметить причины, которые заставляли цивилизации и государства совершать экспансию на варварскую периферию (причины нападений варваров на цивилизации мы частично укажем ниже):

1) Попытки ликвидировать опасный очаг постоянного беспокойства и нападений. Это было одной из основных причин походов китайцев на хунну, русских – на половцев и т. п.

2) Попытки вернуть назад земли, захваченные варварами.

3) Походы с целью захвата рабов и добычи (были характерны для ряда африканских государств). К подобного типа походам могут относиться захваты с целью получения данни и необходимых товаров, стратегического сырья и т.п. Например, экспансия русских на Север и в Сибирь во многом определялась их потребностью в пушнине.

4) Походы с гегемонистскими целями, со стремлением увеличить свою мощь. Это было важной причиной, по которой персидский царь Дарий I пытался завоевать скифов.

5) Походы и завоевания со стратегической целью (улучшения обстановки, приобретения выгодных и удобных путей сообщения, ликвидации потенциальной опасности и т.п.). Из таких случаев можно упомянуть захваты римлянами Галлии и Дакии, которые стимулировались особой политической обстановкой, вовлеченностью этих народов в сложную политическую игру, попытками их угрозы римлянам или их союзникам и т. п. В частности, поводом для похода Цезаря в Галлию, как известно, стало то, что потерпевшие поражение от эдуев секваны призвали на помощь германцев (свевов и других) во главе с Ариовистом. А последний не только успешно разгромил эдуев, но и начал поработать самих секванов. Эти события и послужили важным поводом для римлян, чтобы вмешаться в дела галлов (см.: Цезарь. Галльская война I: 31–39). Захваты, совершаемые

¹⁶ И которая выдерживала его, находила адекватные вызову ответы, что в конечном счете приводило к отбору наиболее приспособленных к борьбе с цивилизацией типов варварских сообществ.

при такого рода обстоятельствах, также очень характерны для европейцев Нового времени.

б) Захват плодородных земель. Один из примеров – походы Карла Великого на германских и прочих варваров, другой – экспансия немецких рыцарей в Прибалтику (тут особенно ярким был мотив захвата именно сельскохозяйственных земель). К этому же списку можно добавить экспансию Карфагена на Корсику, Сардинию и в Испанию. Но стоит обратить внимание, что во всех случаях речь шла об экспансии на территории земледельцев. И поэтому очень важно учитывать, что территория варварской периферии делалась, по крайней мере, на два типа:

- территория, более привлекательная для цивилизации в хозяйственном отношении;
- территория, менее привлекательная в хозяйственном плане.

Очевидно, что экспансия на второй тип территорий не имела для цивилизации важного значения сама по себе, а только в случае, если эта периферия могла беспокоить ее. Недаром Китай мог в течение длительных периодов отказываться от такой экспансии.

А вот массивный переход к интенсивному пашенному неполивному земледелию (как раз в первом тысячелетии до н.э.) вполне мог усилить такого рода экспансию в разных ее видах (в качестве примера здесь можно привести греческую колонизацию, которую можно рассматривать как один из видов невоенной или не полностью военной экспансии). Вообще же, в истории, если экспансия цивилизации на варварскую периферию была сколько-нибудь успешной и длительной, то она, как правило, приводила к ассимиляции варваров. Цивилизация не могла ассимилировать прежде всего тех варваров, которые жили в маргинальных (непригодных или мало пригодных для земледелия) зонах.

Вполне возможно, что экспансия цивилизации на периферию не была жизненно важной для ряда цивилизаций, и играла подчиненную роль. Однако для Мир-Системы в целом такая экспансия была очень важной.

Стоит также отметить разные типы экспансии цивилизации на варварскую периферию. В частности, можно говорить об ассимилирующей экспансии, которая могла происходить без существенного сопротивления периферийных народов. С другой стороны, чем больше расширялась цивилизация, вводя в хозяйственный оборот все новые земли, тем сильнее она сталкивалась с более жесткой и неподатливой (и одновременно менее привлекательной в хозяйственном отношении) варварской периферией.

Достаточно часто успешные войны и особенно завоевания варварами соседних государств были связаны именно с успешной централизацией (хотя бы временной) варваров вокруг какого-то вождя. Это касается и хунну, и монголов, и германских племен, и гуннов, и многих других. А вот после уменьшения централизации у варваров их сила ослаблялась. Иногда в результате этих пертурбаций центр усиливался и возникало крупное вождество. Однако если это центростремительное движение было недостаточно устойчивым, чтобы закрепиться, жизнь выросшей политики оказывалась недолгой. Такие непрочные образования, как славянское «государство» Само (Lozny 1995: 86–87), германские племенные союзы Маробода (у маркоманов), Ариовиста (у свевов), Арминия (у херусков), Клавдия Цивилиса (у батавов) (Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996); гуннская «держава» Аттилы (Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116); гето-дакский союз под руководством «короля» Бурбисты (Федоров, Полевой 1984) и прочие обычно распадались после смерти вождя (а иногда и при его жизни, как случилось с Марободом). Иной раз в аналогах и вовсе шло ослабление верховной власти, особенно если там имелась сильная и своевольная знать.

При рассмотрении взаимодействия варваров и цивилизации следует учесть и неоднозначность решения проблемы военно-технологического превосходства второй над первыми. Во всяком случае, далеко не всегда такое превосходство оказывалось достаточным, поскольку варвары могли компенсировать это внезапностью или другими преимуществами. До широкого распространения железа цивилизации, обладавшие дорогим

и технологичным оружием (например бронзовым) также не всегда могли успешно сопротивляться варварам, если особенно они были внутренне ослаблены.

Стоит также остановиться и на особенностях варварских политических образований по сравнению с государствами цивилизационной зоны.

Особый интерес здесь представляют варварские аналоги раннего государства, в которых политический организм не имел жестко закрепленной территории, точнее, при котором социально-политический организм относительно легко может менять свою территорию. Естественно, что это гораздо менее характерно для государств, у которых наличие определенной территории является почти обязательным. Редко государства меняют свою территорию радикально¹⁷. Как бы ни менялись границы государств, все же ядро так или иначе остается, тогда как варвары, например венгры или готы (Щукин 2005 и др.), могли перемещаться на тысячи километров «в поисках дома». В отдельных случаях важной причиной для таких переселений служило демографическое давление. «Резкое увеличение плотности населения в оседло-земледельческих обществах по сравнению с обществами охотников и собирателей хорошо известно. Оно возрастает почти в сто раз» (Массон 1976: 102–104, 189; 1980: 182–183). Велико значение демографического роста и в увеличении роли войн в отношениях между обществами. А войны также могут вести к развитию новых политических форм. Недаром же Роберт Карнейро постоянно подчеркивает, что возросшее демографическое давление может приводить к войнам и завоеваниям, в результате чего в некоторых случаях и при определенных обстоятельствах возникает государственная организация (Carneiro 1970, 1978; 2000a; 2002; 2012a, 2012b; см. также: Lewis 1981)¹⁸. Высокое демографическое давление нередко служило для переселений и войн и среди гораздо более многочисленных аналоговых обществ. Одним из самых известных примеров является огромная полития вестготов, которая уже при Гемарихе в середине IV в. н.э. страдала от относительной перенаселенности (Щукин 2005: 219), что и было важнейшей причиной попыток их переселения в Византию (этот момент часто рассматривают как начало эпохи Великого переселения народов).

Следует учитывать, что варварская периферия как более бедная и отсталая с гораздо большей силой стремится к грабежу цивилизации, чем наоборот. А. Тойнби (1991), несколько упрощая, впрочем, реальность, говорил о том, что для цивилизации представляет угрозу «внешний пролетариат», то есть варварские народы, которым, как и пролетариату «нечего терять», а обрести в цивилизации они могут многое. Это усиливает натиск варваров.

Необходимо также специально сказать о роли войн в жизни варварских обществ (см. также Grinin, Korotayev 2009). Как отмечают некоторые исследователи, войны среди охотников-собирателей были несколько более редким явлением, чем у варваров (Lesser 1968: 94; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 143, 148). Также наблюдается взаимосвязь между экстремальными условиями существования и низким уровнем агрессивности (см.: Казанков 2002). Поэтому бродячие охотники-собиратели, которые живут в особо экстремальных условиях, относятся к относительно миролюбивым обществам. Это особенно разительно отличается от поведения многих живущих в экстремальных условиях и имеющих малую плотность населения кочевников-скотоводов. Последние как раз и отличаются особой агрессивностью. Таким образом, агрессивность заметно усиливается с переходом к варварству. Как отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс (в целом занимавшие роль войн в истории) в *Немецкой идеологии* (1954–1981, 3: 21), у варварского народа-завоевателя сама война является регулярной формой сношений, которая используется все шире по мере того, как прирост населения при традиционном и единственно

¹⁷ Одним из таких крайне редких примером являются буры Южной Африки, перенесшие в 1836–1839 гг. свои государства подальше от англичан (см., например: Бюттнер 1981: 189–190).

¹⁸ Разумеется, теория Карнейро однолинейна, не включает в себя многие другие случаи образования государства, за что мы его критиковали (Grinin, Korotayev 2012), но все же определенное зерно в ней имеется.

для него возможном примитивном способе производства создает потребность в новых средствах производства.

Также надо отметить, что для варваров в отличие от цивилизации и государств внешняя эксплуатация может играть существенно большую роль, чем внутренняя (см., например: Крадин 1992; Гринин 1997, 2003, 2008). Многие исследователи подчеркивают, что очень часто эксплуатация начинается не внутри, а вне общества, поскольку чужака не защищают ни традиция, ни обычай. Внешняя эксплуатация усиливает неравенство и, без сомнения, способствует развитию политогенеза. Например, К. Петкевич указывает, что накануне образования Литовского государства в нем выделялись два основных слоя: свободных земледельцев и воинов (благородных), которых называли *кунигасами*, то есть князьями, господами. И материального благосостояния, а также высокой позиции в обществе князья достигали путем грабительских войн, в меньшей степени – благодаря сбору дани с собственного населения (Петкевич 2006: 306).

Насильственные действия играли очень важную роль уже в жизни примитивных земледельцев и скотоводов. Такие действия были важнейшим из способов выдвинуться. Например, Н. А. Бутинов (1995: 62) пишет о папуасах следующее: «Было два пути продвижения в большие люди: мирный и военный; второй, видимо, преобладал. Претендент на статус большого человека собирал группу мужчин. Под его руководством люди нападали на соседнюю деревню, грабили, убивали, подчиняли оставшихся в живых своей власти. Причину для набега нетрудно было придумать (черная магия, кража свиней, похищение женщин, споры о земле и т. д.) Убийство “ненаших” не надо было оправдывать – это считалось хорошим делом. Межобщинные войны велись часто». Важную роль играли войны и в процессе создания уже даже простых вожеств (см.: Carneiro 1970, 1981, 2004). В целом идеи «силой оружия захватить соседние селения; взять пленных и заставить их работать как рабов; потребовать периодической уплаты дани» и подобные им имели в этот период достаточно широкое (хотя и отнюдь не повсеместное) распространение (см., например: Carneiro 2004).

Появление или распространение каких-то важных технологических новшеств может вести к серьезным изменениям в политогенезе, становиться его катализатором. В результате в тех местах, где он до этого сильно задерживался или был вовсе невозможен, начинаются интенсивные политогенетические процессы. Таким катализатором, как уже сказано, могло быть, скажем, распространение железа, прогресс в использовании верховых или тягловых животных. Появление конницы, оружия из железа и т. п. способствовало также «интенсификации» военных действий, усиливало роль войн в политогенезе¹⁹.

Роль войн в некоторых отношениях особенно значительна в развитии и трансформации, предгосударственных и аналоговых варварских обществ. Войны фактически для большинства варварских народов становятся важнейшим фактором трансформации их в государство (см. Гринин 2011). Ярким примером является государство зулусов в начале XIX в., которое очень быстро (буквально за два-три десятилетия) из конгломерата вожеств стало империей (см., например: Давидсон 1968: 5; 1984: 161; Львова 1984: 47; Маке 1974: 91; Потехин 1954: 545; Gluckman 1987 [1940]: 29). Войны также нередко играли заметную роль и в генерировании многих важных инноваций, которые затем могли становиться источником «энергии», способствующей мощнейшим экспансиям, и важными причинами быстрых военных побед, меняющих карту Мир-Системы. В частности, есть мнения, что в начале второго тыс. н.э. эволюция военного дела кочевников достигла такого уровня развития, что существенным образом отразилось на военном искусстве других обществ и цивилизаций Евразии (Худяков 1991: 3). Мысль же о том, что монголы в

¹⁹ Например, с появлением лошади в североамериканских прериях кража лошадей стала главной причиной войн среди индейских народов Великих Равнин, таких как омаха. Мобильность передвижения на лошадях способствовала тому, что юты, апачи, навахо, шошоны и другие стали совершать набеги на народы, с которыми они никогда не сталкивались в эпоху до появления лошадей (Dennen 1995: 429).

начале XIII века побеждали во многом за счет важных инноваций, внедренных в их военную организацию, стала достаточно общепризнанной (см., например: Храпачевский 2005).

Здесь необходимо отметить, что по вопросу о роли войн в процессе образования государства есть существенные расхождения. В споре о возникновении государства, как считает Джеймс Амброзино, «роль и воздействие внешних социальных факторов, то есть таких стимулов, которые создаются контактами с чужими обществами, практически игнорировались» (Ambrosino 1995: 54). Из современных исследователей теорию влияния войн на политогенез и появление государства наиболее систематично и последовательно разрабатывает Роберт Карнейро (см.: Carneiro 1970, 1978, 1981, 1987, 2000*a*, 2000*b*, 2002, 2003, 2004; Карнейро 2000, 2006; см. также: Годинер 1991). Однако эти идеи не стали достаточно общепризнанными. И если роль торговли, культурных и иных заимствований и влияний в политической антропологии в той или иной мере учитывается более адекватно, то значение войн для процессов политогенеза вообще и становления государства в частности многие исследователи (если даже не их большинство) занижают.

Надо отметить, что в конце XIX – начале XX вв. роль войн в процессе образования государства оценивалась значительно выше. Например, П. Ф. Преображенский (2005: 154) считал, что война является как бы неизбежным спутником государственной власти. К. Каутский (1931), вопреки марксистской доктрине, в конце концов, был вынужден признать, что завоевание является важнейшей причиной возникновения государства. Наиболее известными авторами, считавшими, что государство рождается из простого завоевания одного народа другим, были Л. Гумплович и Ф. Оппенгеймер. Стоит также упомянуть и Г. Ратценхофера²⁰. Впоследствии такие подходы были не без некоторых оснований отвергнуты как слишком примитивные. Но ошибки столетней давности не означают, что войны не играют важнейшей роли в политогенезе. Совсем напротив. По крайней мере, нам неизвестно ни одного случая отсутствия военного фактора (в каком-либо виде) в процессе образования и формирования раннего государства. Под военным фактором мы понимаем ситуацию, так или иначе связанную либо с ведением войн (агрессивных или оборонительных), либо с подготовкой к ним, либо с прямым завоеванием (подчинением) каких-либо социумов с помощью военной силы (см. подробнее: Гринин 2007*a*). При этом начало многих государств (даже в смысле создания истинно новых политических и административных форм) часто шло именно от военных структур, обычаев, институтов, например военных лагерей юношей, дружин, личной гвардии, охраны и т. п. (см., например: Львова 1995: 161; Орлова, Львова 1978; Миллер 1984: 191; Бочаров 1991: 70).

Приложение

О теории конвергенции и темпах роста в развитых и развивающихся странах

Основы теории конвергенции развитых и развивающихся стран были заложены в 1950-е гг. А. Гершенкромом и Р. М. Солоу²¹ (см., например: Gerschenkron 1952; 1962; Solow 1956). Гершенкрон рассматривал в качестве основного двигателя процесса конвергенции диффузию технологий. Самуэльсон и Нордхаус довольно удачно сформулировали главные идеи этой концепции:

²⁰ Обзор теорий насилия применительно к формированию государства см., например, в работах Р. Л. Карнейро (Carneiro 1970; Карнейро 2006).

²¹ Эту теорию важно не путать с теорией конвергенции развития социалистических и капиталистических стран, разработанной в 1960-е гг. Дж. К. Гэлбрэйтом и П. А. Сорокиным (см., например: Galbraith 1958; 1967; 1989; Sorokin 1960).

Сегодня бедные страны имеют значительные преимущества по сравнению с пионерами индустриального развития. Развивающиеся нации могут заимствовать капиталы, знания и технологии у более передовых. Согласно гипотезе, выдвинутой Александром Гершенкромом из Гарварда, *относительная отсталость* может способствовать развитию...²² Поскольку страны с низким доходом получают от лидеров самые современные технологии... некоторые страны или регионы с низким доходом проявляют тенденцию к более быстрому росту, чем страны с высоким доходом (Самуэльсон, Нордхаус 2009: 312–313; Samuelson, Nordhaus 2005: 584).

Теория конвергенции, восходящая к Р. М. Солоу, во многом вытекала из его знаменитой модели экономического роста, из которой следует, что при относительно низкой капиталовооруженности (характерной для развивающихся стран) те же самые капиталовложения в тенденции дают более высокую отдачу, чем при высокой капиталовооруженности (характерной для развитых стран):

При прочих равных условиях страны с низким уровнем развития имеют предпосылки для более быстрого экономического роста. Такой результат влияния начальных условий на темпы последующего развития иногда называют эффектом «быстрого старта». В бедных странах рабочие зачастую не имеют даже самых простых инструментов, поэтому производительность труда находится на очень низком уровне. А в результате ее заметный рост может быть достигнут при самых незначительных инвестициях. В развитых же странах техническая оснащенность производства очень высока. Вследствие этого даже значительный прирост капитала, приходящегося на одного рабочего, приводит к весьма небольшому росту производительности. Анализ показателей экономического развития разных стран подтверждает наличие эффекта «быстрого старта»: при равенстве прочих показателей, в частности доли ВВП, направляемой на инвестиции, бедные страны достигают более высоких темпов экономического роста, чем богатые (Мэнкью 2009: 186–187).

Э. Абель и Б. Бернанке²³ также обращают внимание на следующее обстоятельство:

Согласно модели Солоу, если экономики являются открытыми и свободно осуществляются международные заимствования, то безусловную конвергенцию поддерживают некоторые дополнительные экономические силы... Так как более бедные страны имеют меньше капитала на одного работника и поэтому более высокий предельный продукт капитала, чем более богатые страны, субъекты сбережений из всех стран смогут получить большие доходы, инвестируя в бедные страны. Поэтому иностранные инвестиции должны обеспечивать более быстрый рост запасов капитала в бедных странах, даже если уровень отечественных сбережений в этих странах невысок (Абель, Бернанке 2008: 306).

Нетрудно заметить, что оба данных фактора ускоренных темпов роста периферийных экономик являются взаимодополняющими, ибо диффузия капитала в тенденции дополняется диффузией технологии (более того, диффузия капитала и является одним из важнейших факторов создания каналов диффузии технологий). С другой стороны, достаточно очевидно, что капитал при прочих равных (включая отсутствие слишком большого разрыва в уровне образованности и здоровья рабочей силы²⁴) и при достаточно экономически прозрачных границах имеет тенденцию перетекать из стран с более высоким уровнем ВВП на душу населения (а значит, и практически всегда с более высокой зарплатой) в страны с более низким уровнем ВВП (а значит, и с более низкой зарплатой), в результате чего темпы экономического роста снижаются в первых и повышаются во вторых (см., например: Jones 1997). Кроме того, в силу данного обстоятельства в условиях высокой технологической и торговой связанности товары, производимые в развивающихся

²² Подробнее см., например: Gerschenkron 1952; 1962; Блауг 2008: 68.

²³ Более известный в настоящее время, конечно, не как один из авторов одного из наиболее популярных учебников по макроэкономике, а как бывший председатель Федеральной резервной системы США.

²⁴ То есть, по сути дела, в уровне развития человеческого капитала.

странах и на предприятиях, создаваемых национальным капиталом, оказываются дешевле, чем их аналоги, произведенные на предприятиях развитых стран, в результате чего их продукция начинает теснить «западные» товары как на внутренних, так и на внешних (и в том числе «западных») рынках.

Поэтому в объяснении нуждается скорее наблюдавшееся еще совсем недавно опережение по темпам экономического роста развитыми странами развивающихся.

В качестве одного из важнейших факторов здесь (наряду, естественно, с оставшимся долгое время недостаточным уровнем образованности и здоровья населения многих стран третьего мира) выступала недостаточная прозрачность экономических границ, в высокой степени связанная с разного рода левацкими экономическими экспериментами, начиная от попыток (нередко вполне успешных) полного огосударствления экономики (снижавшего прозрачность экономических границ до уровня, близкого к нулевому) и заканчивая с виду «безобидными» запретами на вывоз прибылей (в реальности в большинстве случаев вполне эффективно блокировавшими внешние инвестиции). В этом плане наметившаяся в последние годы тенденция к постепенному выравниванию уровня экономического развития стран первого и третьего мира является достаточно логичным следствием нарастающей реальной глобализации, невозможной без увеличения прозрачности экономических границ. Эта тенденция стала также результатом роста уровней образованности и здоровья населения развивающихся стран и тесно связанного с этим движения к завершению демографического перехода, произошедшего в результате того, что к 1990-м гг. большинству стран третьего мира удалось добиться резкого роста образованности и здоровья населения. Это, с одной стороны, стимулировало экономический рост, а с другой – способствовало сокращению рождаемости и весьма значительному замедлению темпов роста населения. В результате всех этих процессов мы и наблюдали в последние годы в большинстве стран периферии значительно более высокие темпы роста ВВП на душу населения, чем в большинстве стран центра, а значит, и совершенно закономерное достаточно быстрое сокращение разрыва по уровню жизни между развитыми и развивающимися странами.

Особо отметим, что, как показывают приводимые графики, это сокращение происходит заметно более быстрыми темпами, чем шло нарастание данного разрыва вплоть до начала 70-х гг. прошлого века. Это вполне объяснимо, поскольку послевоенный рост (1950–1973 гг.) в западных странах затем сменился замедлением, каковое мы и наблюдаем до сих пор. Этот подъем, а затем замедление в темпах роста некоторые экономисты называют соответственно долгим подъемом и долгим спадом (см., например: Бреннер 2014). Кстати будет заметить, что «загадка долгого спада», которую Р. Бреннер пытается разгадать, хорошо объясняется двумя теориями: Великой конвергенции (см. Grinin, Korotayev 2015; Grinin, Korotayev 2016; глава 14) и длинных циклов Кондратьева²⁵.

²⁵ Долгий подъем приходится на повышательную фазу четвертого кондратьевского цикла, а долгий спад соответственно – на понижательную его фазу и на пятый кондратьевский цикл, основной рост которого происходил за счет периферии (см.: Grinin 2013г; Grinin Л. Е., Grinin А. Л. 2015а; Korotayev 2012; Grinin, Korotayev, Цирель 2011; Korotayev, Grinin 2012; Korotayev 2013; Korotayev, Халтурина, Божевольнов 2010; Korotayev, Зинькина, Божевольнов 2014; Korotayev, Билога 2016; Korotayev, Халтурина 2009; Малков, Korotayev, Божевольнов 2010; Малков и др. 2010; Korotayev, Grinin 2012b; Grinin, Korotayev 2015; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; Korotayev, Zinkina 2014b; Korotayev *et al.* 2011a; 2011b; 2012). Замедление темпов роста экономически развитых стран объясняется также особенностями технологических революций (см. подробнее: Grinin Л. Е., Grinin А. Л. 2015а).